

УДК 241.64

<https://elibrary.ru/xpxpsk>

«ПЕРСТ БОЖИЙ И БИЧ»: ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПИСЬМАХ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

Ванифатьев Николай Александрович
аспирант кафедры общей русской
церковной истории и канонического
права Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6/1
E-mail: niki.vanifatiy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1454-2604>

Для цитирования: Ванифатьев Н. А. «Перст Божий и бич»: восприятие социально-политических событий в письмах оптинских старцев. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_4_192–204. EDN: XPXPSK // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 4 (33). С. 192–204.

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия военных событий в духовном наследии оптинских старцев. Последовательно выводя рассуждения о военных конфликтах из социально-политического контекста, оптинские старцы рассматривали их через призму покаяния в рамках духовно-аскетического дискурса, что отличало взгляд оптинских подвижников от ряда других представителей духовенства того времени.

Методологически статья опирается на подход контекстуальной интерпретации личных писем старцев, а также историко-богословский анализ, позволяющий соотнести их суждения с историческим контекстом имперского самодержавия.

Вооруженная борьба характеризуется оптинскими старцами в первую очередь как наказание за греховный образ жизни, а также трактуется ими не как внешняя причина, а как следствие внутренних греховных страстей (гнева, тщеславия, сребролюбия) и испытание веры. В статье подробно анализируется позиция оптинских старцев, усматриваемая в четком разграничении сфер ответственности государственной власти, занимающейся военными действиями, и Церкви, осуществляющей свою сакраментальную миссию.

Оптинские старцы указывали, что война, являющаяся следствием человеческих страстей, может быть предотвращена путем устранения ее первопричины, корнящейся в страсти гнева. Потому новозаветное наставление воздерживаться от гнева на «брата своего» следует рассматривать как указание на искоренение данной страсти, а не на юридическое регулирование внешних действий.

В статье делается вывод, что пастырская миссия старцев была сосредоточена на формировании у пасомых личной нравственной ответственности, ориентированной на духовную борьбу со страстями, что рассматривалось как путь к преобразению человека и общества.

Ключевые слова: преподобный Макарий Оптинский; преподобный Амвросий Оптинский; оптинские старцы; русско-турецкая война; смирение; покаяние.

Введение

В русской духовной традиции Синодального периода старцы Оптиной пустыни являются прежде всего «проводниками» Священного Предания [Хондзинский, 2021, с. 6] и носителями пастырского опыта. Их духовное наследие, с одной стороны, сложно представить в виде цельного учения в строгом смысле, поскольку основную его часть составляют письма – тексты личного происхождения, обращенные к конкретным людям и помогающие разрешить определенные обстоятельства их жизни. Это задает необходимость внимательной контекстуальной интерпретации и осторожности в обобщениях. С другой стороны, передавая святоотеческую мысль, оптинские старцы излагали ее на языке своего времени. Хотя принадлежность к монашеству не могла не оказывать влияния на тональность и рамки суждений, оптинские старцы исходили из принципа, что «евангельское учение дано обще всем, и все обязаны исполнять оное» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 41). Таким образом, их наставления можно рассматривать как универсальное антропологическое высказывание, равноценное и для монашествующих, и для мирян.

Анализируя реакцию оптинских старцев на культурные и социальные тенденции, преобладающие в российском обществе того времени, а также на актуальные на тот момент политические события, следует учитывать исторический контекст, в котором формировалась их мысль. Одним из ключевых параметров этой эпохи

был самодержавный строй. Деятельность императора воспринималась оптинскими старцами как служение помазанника Божия (Варсонофий Оптинский, 2005, с. 425), который охраняет не только гражданский порядок, но и защищает Церковь от внешней угрозы. Более того, в Оптиной пустыни государственная власть в лице императора мыслилась как «удерживающая» (2 Фес. 2, 7) разрастание зла и беззакония. В письмах преподобного Амвросия эта логика высвечивается особенно заметно. Он прямо связывает отсутствие православного самодержца с признаком «времен безначалия» и преддверия последних времен (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 55). В этой перспективе для оптинских старцев самодержавие представлялось единственно возможной формой правления в России. При этом сакрализация монарха и монаршей власти у оптинских старцев укореняется в богословской и литургической традиции, а не в государственной идеологии [Ванифатьев, 2023. С. 86, 89–90].

Известно толкование преподобного Амвросия на отрывок из послания апостола Павла к Филиппийцам (Флп. 2, 5–11), в котором старец раскрывает кенозис Христа через социополитический контекст. В своем толковании он указывает на параллель между «простым, кротким и смиренным» отношением к народу со стороны правителя и легитимностью политической власти, «потому что и великих людей простота и смирение не только не унижают, но, напротив, очень возвышают и возвеличивают» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 313). В свою очередь отсутствие легитимности властных институтов, по мысли старца Амвросия, сопровождается «боязнью являться перед подчиненными просто и в смиренном виде» и стремлением «поддержать свое могущество властительским, гордым и жестоким обращением, опасаясь потерять свое владычество» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 313).

Таким образом, представляется обоснованным предположить, что ряд суждений оптинских старцев на политические и общественные вопросы формировался в прямой связи с самодержавным устройством империи. Монарх, по их мысли, был помазанником Божиим и «удерживающим», поэтому отсутствие государя или иная форма правления, кажется, неизбежно изменили бы и способ аргументации, и язык суждений оптинских старцев, в том числе оценку внешних «военных потрясений». По этой причине экстраполяция воззрений, сформированных в условиях имперского само-

державия, на иные государственно-правовые и социальные реалии, на наш взгляд, не совсем корректна.

Как бы то ни было, наставления оптинских старцев основывались на Евангелии, а не на конкретных политических взглядах. Поэтому в нашем исследовании мы сосредоточимся на духовном подходе старцев Оптиной пустыни к вопросам своих современников и рассмотрим, какие ориентиры христианского восприятия они предлагали своим вопрошающим.

Основная часть

Рассматривая взгляды оптинских старцев на военные конфликты, в первую очередь стоит отметить их устойчивую духовно-аскетическую позицию. Военные потрясения осмысливаются ими главным образом через покаяние и невидимую брань, без развертывания политических выводов. На первый взгляд такой подход кажется естественным для духовной среды, однако среди представителей духовенства Русской Церкви XIX в. встречались как авторитетные иерархи, так и рядовые монашествующие, охотно комментировавшие различные военные кампании Российской империи. Так, святитель Феофан Затворник, с одной стороны, воспринимал войны как повод для покаяния, с другой – нередко описывал их столь подробно и эмоционально, чем явно демонстрировал свою вовлеченность в оценку хода военных событий [Климент (Капалин), 2022]. С подобной заинтересованностью обсуждал военные конфликты один из адресатов преподобного Макария Оптинского – игумен Антоний (Бочков). Во время Крымской войны (1853–1856) он состоял в переписке с оптинским старцем, в которой именно письма игумена Антония выделяются политической направленностью [Кутикин, 2015]. При этом отец Антоний понимал политический фокус в своих письмах, адресованных старцу Макарию: «Начавши Вам писать о политике, продолжаю мою болтовню» [Кутикин, 2015, с. 46].

На этом фоне письма оптинских старцев отличаются своей духовной интонацией и сдержанностью. Характерен эпизод, сохранившийся в воспоминаниях о преподобном Амвросии. В период неблагоприятных известий об осаде Плевны в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. один из письмоводителей старца – иеромонах Климент (Зедергольм) – переживал происходящее настолько остро,

что в один из праздничных дней не смог приступить к богослужению. Этот казус старец Амвросий прокомментировал одновременно и с иронией, и с негодованием: «Да что... Плевна доняла нас» (Жизнеописания почивших скитян, 1998, с. 506–507).

В уже упомянутой переписке игумена Антония с преподобным Макарием в письмах последнего от 1855 г. указывается невозможность подробно рассуждать «о делах Европы и войне». Вместо политических оценок и «больших заключений» (Макарий Оптинский, 1997, с. 721) старец описывает вооруженную борьбу через призму пастырской аскетики и характеризует ее как «перст Божий и бич, наказующий нас, уклонившихся от правого пути и идущих строптивым, широким и пространым, отводящим в пагубу» путем (Макарий Оптинский, 1997, с. 721). При этом представляется очевидным, что войны как часть исторического процесса начинаются в результате конкретных действий и решений людей. Поэтому фокус воззрений старцев направлен на человеческие страсти как основание насилия, выраженного в военных сопротивлениях.

Для оптинских старцев силовые противостояния государств принципиально выводились из социально-политического ракурса и рассматривались в первую очередь через призму духовной жизни. Отвечая на вопросы своих адресатов о различных военных конфликтах, оптинские старцы переносили фокус с внешних обстоятельств события на духовную борьбу со страстями. В одном из писем старца Макария, составленном по случаю объявления войны в 1853 г. императором Николаем I, эта установка формулировалась следующим образом: «Спрашиваете меня о военных делах, но я очень мало слышу о сем. О войне манифест объявлен, а что и как, Бог устроит, Ему единому известно... Мы же смотрим сами на себя: у нас жестокая война и непримиримая с духами злобы, и потечем оружие стяжать крепко противу них – смирение» (Собрание писем, 1862, с. 195).

Аналогичное восприятие военных событий встречаем и в другом письме старца Макария. Из ряда военных действий российской армии в середине XIX века старец использует одно из сражений как яркий образ для описания духовной жизни: «...знаю, что вы находитесь в борьбе, и сильная война, не меньше севастопольской, но там оружие: медь, железо, сталь, свинец, чугун, порох, огонь, хитрость и сила человеческая, а у нас оружие другого рода: вера, упование на Бога, самоукорение, смирение, терпение, молитва, и всеобъемлющая

любовь» (Собрание писем, 1862, с. 287). Пренебрежение этими «духовными средствами» оборачивается пленом у «сопротивных», которые «сокрушают душевные наши кости, повергают и томят в узах смущения и злопомнения» (Собрание писем, 1862, с. 287). Этими словами оптинский старец указывает, что для верующего христианина определяющим оказывается то, с каким духовным состоянием происходит переживание внешнего испытания, даже такого всеохватывающего и предельного по своему эмоциональному накалу, как война. Помещая войну в один ряд с болезнями, скорбями, лишениями, голодом и мятежами, старец Макарий подчеркивает, что для верующего человека подобные испытания следует воспринимать или как «наказание за грехи», или как предупреждение, «чтобы не впади в оные», либо как «испытание веры» (Макарий Оптинский, 1997, с. 502; Собрание писем, 1862, с. 426].

Раскрывая свое рассуждение, оптинский старец выстраивает его с помощью слов преподобного Григория Синаита: «...и сего ради попусти Господь наведение, и пленение и заколения, отсеци хотя злобу, или спасти крепльшими врачевствами» (Макарий Оптинский, 1997, с. 501–502). Опираясь на эти слова, старец Макарий переносит фокус с внешних обстоятельств на внутренний источник бедствий, указывая, что «когда рассмотрим себя, то всякой скорби мы сами виновны, и древо, из которого делан наш крест, росло на почве сердца нашего» (Макарий Оптинский, 1997, с. 626). В контексте этих рассуждений военное противоборство мыслится не как причина, а как историческая форма укрепления греховных навыков, как следствие внутренних страстей, в первую очередь гнева, тщеславия и сребролюбия. Страсти, укореняясь «на почве сердца», дают видимый плод насилия в виде военных столкновений. При этом преподобный Макарий, размышляя о внешних потрясениях, отмечает непостижимость «судеб Божиих» и тем самым задает меру для нравственного отношения к злу и его преодоления в духовной жизни (Собрание писем, 1862а, с. 247).

Старец Макарий в своих письмах размышлял о духовном сосредоточении во время внешних испытаний и личной ответственности за страдания. Эти идеи нашли продолжение в переписке старца Амвросия, который «наставлял своих духовных чад, стремившихся вести жизнь в соответствии с духовно-нравственными евангельскими заповедями, быть покорными воле Божией при перенесении болезней и житейских обстоятельств, ибо в этом проявляется Промысл

Божий в отношении человека» [Феодосий (Васнев), 2019, с. 24]. В одном из писем к мирянам преподобный Амвросий анализирует позицию Церкви по отношению к военным конфликтам, рассматривая её в двойственном контексте Синодальной эпохи. С одной стороны, Церковь в XIX веке была тесно связана с государством, которое, в свою очередь, рассматривало войну как инструмент внешней и внутренней политики. С другой стороны, Церковь проповедовала евангельское учение, призывающее к прощению, запрещающее не только убийства, но и сам гнев, углубляя тем самым ветхозаветные нормы. Преподобный Амвросий последовательно разграничивал эти уровни присутствия Церкви в мире, отвергая ожидания политических предписаний от церковной проповеди и акцентируя внимание на сакраментальной природе Церкви и её пастырской миссии. «Письма преподобного Амвросия Оптинского позволяют открыть смысл духовного, историко-культурного и социального опыта Церкви, а между строк сохраняют проникновенное, живое и настоящее, согревающее сердце, приветствие для души» [Сысоева, 2021, с. 199].

Оптинский старец структурирует свое письмо, разделяя его на три части. В первую очередь он сосредотачивает внимание на духовной направленности миссии Церкви, отделяя её функции от задач государственной власти в условиях военных действий. Отвечая на замечание адресата, в котором указывается, что в «книге Преподосвященного Феофана»¹ Церковь «дает разрешение на убийство» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 251) вопреки шестой заповеди Декалога «не убий», преподобный Амвросий проводит границу между государственной и церковной сферами в обществе: «...снаряжением войска и отправкой на место военных действий, чтобы убивать врагов, занимается вовсе не Церковь, а государственная власть, которая в подобных случаях может и не послушаться Церкви» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 251–252). В качестве иллюстрации оптинский старец приводит пример Турции: «...там, отправляя на войну солдат, султан не только не спрашивается с христианской Церковью, но и не обращает на нее никакого внимания. Следовательно, Церковь тут ни при чем» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 252).

---

¹ Вероятно, имеется в виду брошюра свт. Феофана 1877 г., опубликованная в «Православном обозрении». Поводом для ее составления стал «восточный вопрос» на фоне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Феофан (Говоров), 1877, с. 602–609).

Участие Церкви в военных конфликтах преподобный Амвросий видит в литургическом поминовении «всех православных воинов, за веру, царя и Отечество на брани живот свой положивших» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 252). Между тем, осознавая историческую обусловленность Церкви, оптинский старец признает, что категорический запрет Церкви на убийство во время военных действий неизбежно привел бы к конфликту с государственной властью, вызвав раскол: «...одни из воинов перейдут на сторону Церкви, а другие останутся на стороне правительства», что обернулось бы «взаимной резней» и открыло путь к внешнему поражению, когда «враги... свободно заполняют наше Отечество» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 252). Гипотетический пример с врагами, заполнившими Отечество, преподобный Амвросий, по-видимому, приводит для того, чтобы показать, почему Церковь, будучи встроенной в социополитические обстоятельства, не может выступать в роли органа, издающего абсолютные запреты в военно-политической сфере. При этом такая аргументация не определяет войну как нравственную норму и легитимный политический инструмент, а разъясняет и фиксирует, что церковная власть не призвана подменять решения государства.

Переводя свое рассуждение в богословский контекст, оптинский старец уточняет, что Христос «вовсе этой заповеди [«не убий». – Н. В.] не давал, а только привел... из Ветхого Завета» (Мф. 5, 21) (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 252), сосредоточив внимание на более глубоком нравственном требовании: «...всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5, 22). Как подчеркивает старец, в евангельском слове содержится требование искоренять саму страсть гнева, которая лежит в основе убийства, а не юридическое регулирование внешних поступков, поскольку Господь пришел «не для того, чтобы основать видимое государство» и «не для того, чтобы писать государственные законы» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 253). По мысли старца, новозаветная заповедь направлена к личной нравственной ответственности каждого человека, а ее восприятие в политико-правовом регистре не является корректным.

Если в первых частях письма предлагалось рассуждение об участии Церкви в политических событиях и интерпретация шестой заповеди Декалога, то в заключительном отрывке акцент перено-

сится на образ жизни христианина: «По-нашему, попросту, можно выразиться так: при исполнении заповедей евангельских каждый смотри сам за собой, тогда и дело будет хорошо» (Собрание писем оптинского старца Амвросия, 2012, с. 253). Свою мысль старец описывает с опорой на евангельское напоминание: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). Такая смена акцента в общей композиции письма, контрастирующая с его предыдущими частями, быть может, объясняется стремлением задать внутреннюю логику в выстраивании духовных ориентиров в ситуации военного противостояния, которое вовлекает в себя христианское население. Для преподобного Амвросия важным представляется не выработка правил для власти, а формирование у своего адресата такого образа жизни, который ориентирован на искоренение страстей. Именно в этой перспективе оказывается возможным формирование общества, где войны как проявление гнева становятся менее вероятными. Таким образом, письмо старца Амвросия завершается разрешением нравственного выбора, который неизбежно возникает во время политических и социальных кризисов, через указание на духовную борьбу со страстями, способствующую преобразению общества.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что в письмах оптинских старцев военные события осмысливаются через духовно-аскетическую призму, побуждая верующего человека к покаянию и внутреннему духовному подвигу, а не к формулированию политико-нормативных решений. В качестве ориентира для христианина, оказавшегося в ситуации военного противостояния государств, преподобный Макарий предлагает «оружие другого рода» – самоукорение, смирение, молитву и всеобъемлющую любовь.

Разграничивая функции Церкви и государства, оптинские старцы сосредотачивают внимание на евангельском смысле шестой заповеди Декалога, который требует искоренения страсти гнева, возрастающей на почве сердца, и личной нравственной ответственности. При этом историческая обусловленность Нового времени, в котором жили оптинские старцы, формировала контекст их воззрений, но не затрагивала их духовно-аскетический аспект. Практический вывод из писем оптинских старцев, основанный

на христианской антропологии и пастырском опыте, заключается в необходимости хранить мир в сердце, молиться о пострадавших и преодолевать страсть гнева, ведущую к насилию.

Список источников

1. *Варсонофий Оптинский, преп.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Козельск : Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2005. 688, [4] с.
2. Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. Санкт-Петербург : Знамение, 1998. С. 317–547.
3. *Макарий Оптинский, преп.* Душеполезные поучения / сост. архим. Иоанн (Захарченко). Козельск : Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1997. 831 с.
5. Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. Ч. 1, отд-ние 2. Москва : Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1862. (Типография В. Готье). 424 с.
6. Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. Ч. 1, отд-ние 1. Москва : Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1862а. (Типография В. Готье). [8], 399 с.
4. Собрание писем оптинского старца Амвросия. Козельск : Издательство Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптиная Пустынь, 2012. 767 с.
7. *Феофан (Говоров), еп.* Три письма преосвященного Феофана по восточному вопросу // Православное обозрение. 1877. Т. 1, № 3. С. 602–609.

Список литературы

1. *Ванифатьев Н. А.* Образ государства в духовном наследии оптинских старцев // Филаретовский альманах. 2023. № 19. С. 76–91.
2. *Климент (Капалин), митр.* Святитель Феофан Затворник и Русско-турецкая война 1877 года // Труды по русской патрологии : научный журнал Калужской духовной семинарии. 2022. № 4 (16). С. 72–83.
3. *Кутикин В. Ю.* Крымская война: взгляд из-за монастырских стен : из писем игумена Антония (Бочкова) к оптинскому старцу Макарию (Иванову), 1848–1856 гг. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 41–56.
4. *Сысоева С. В.* Аксиология слова: эмотивная лексика в эпистолярном наследии. EDN: UWZUDV // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 3 (16). С. 197–207.
5. *Феодосий (Васнев), митр.* Преподобный Амвросий Оптинский об основах духовной жизни. EDN: ХТАQVI // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 17–24.

6. *Хондзинский П., прот.* Богословские портреты : очерки святоотеческого богословия Синодальной эпохи. Москва : Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2021. 336 с.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025.

Статья поступила после рецензирования 01.10.2025.

Статья принята к публикации 01.11.2025.

UDC 241.64

“THE FINGER OF GOD AND THE SCOURGE”: PERCEPTION OF SOCIAL AND POLITICAL EVENTS IN THE LETTERS OF THE OPTINA ELDERS

Nikolai Vanifatev

PhD Student

Department of General Russian Church

History and Canon Law

Orthodox St. Tikhon's University
for the Humanities

6/1 Likhov Lane, Moscow, 127051, Russia

E-mail: niki.vanifatiy@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1454-2604>

For citation: Vanifatev N. A. “The finger of God and the scourge”: perception of social and political events in the letters of the Optina elders. DOI: 10.51216/2687-072X_2025_4_192–204. EDN: XPXPSK // Theological Collection of Tambov Theological Seminary, 2025, no. 4 (33), pp. 192–204. (In Russian).

Abstract

This article analyzes the perception of military events in the spiritual legacy of the Optina elders. Consistently framing their discussions of military conflicts within a socio-political context, the Optina elders viewed them through the prism of repentance within a spiritual and ascetic discourse, which distinguished their perspective from that of some other clergy of the time.

Methodologically, the article relies on a contextual interpretation of the elders' personal letters, as well as a historical and theological analysis

that allows them to relate their views to the historical context of imperial autocracy.

The Optina elders characterized armed conflict primarily as punishment for a sinful lifestyle, and they interpreted it not as an external cause, but as a consequence of internal sinful passions (anger, vanity, and avarice) and a test of faith. This article analyzes in detail the position of the Optina elders, which is seen in the clear delineation of the responsibilities of the state authorities, which are engaged in military operations, and the Church, which is fulfilling its sacramental mission.

The Optina elders pointed out that war, which is a consequence of human passions, can be prevented by eliminating its root cause, which is the passion of anger. Therefore, the New Testament instruction to refrain from anger toward “one’s brother” should be viewed as a reference to the eradication of this passion, rather than to the legal regulation of external actions.

The article concludes that the elders’ pastoral mission was focused on developing personal moral responsibility in their flock, oriented toward the spiritual struggle with passions, which was seen as a path to the transformation of both individuals and society.

Keywords: St. Macarius of Optina; St. Ambrose of Optina; Optina elders; Russo-Turkish War; humility; repentance.

Sources

1. St. Barsanuphius of Optina *Besedy. Keleinye zapiski. Dukhovnye stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma*. “Venok na mogilu Batyushki” [Conversations. Cell notes. Spiritual poems. Memoirs. Letters. “A wreath on the Elder’s grave”]. Kozel’sk, Sviato-Vvedenskaya Optina Pustyn’, 2005, 688 p. (In Russian).

2. Zhizneopisaniya pochivshikh skityan [Lives of the deceased skete monks]. *Neizvestnaya Optina* [Unknown Optina]. St. Petersburg, Znamenie Publ., 1998, pp. 317–547 (In Russian).

3. St. Macarius of Optina *Dushepoleznye poucheniya* [Spiritually beneficial instructions]. Kozel’sk, Vvedenskaya Optina Pustyn’ Publ., 1997, 831 p. (In Russian).

4. *Sobranie pisem Optinskogo startsa Amvroziya* [Collected letters of the Optina Elder Ambrose]. Kozel’sk, Vvedensky Stavropigial’ny Muzhskoy Monastyr’ Optina Pustyn’ Publ., 2012, 767 p. (In Russian).

5. *Sobranie pisem blazhennaya pamyati optinskogo startsa ieroskhimona Makariya*. [Collection of letters from the blessed memory of the Optina elder, Hieroschemamonk Macarius]. Moscow, Kozel’skaya Vvedenskaya Optina Pustyn’, Tipografiia V. Got’e Publ., 1862, part 1, 424 p. (In Russian).

6. *Sobranie pisem blazhennaya pamyati optinskogo startsa ieroskhimona kha Makariya*. [Collection of letters from the blessed memory of the Optina elder Hieroschemamonk Macarius]. Moscow, Kozel'skaya Vvedenskaya Optina Pustyn', Tipografiia V. Got'e Publ., 1862a, part 1, 399 p. (In Russian).

7. Feofan (Govorov), Bishop Tri pis'ma preosvyashchennogo Feofana po vostochnomu voprosu [Three letters of His Grace Feofan on the Eastern question]. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. 1877, vol. 1, no. 3, pp. 602–609. (In Russian).

References

1. Vanifatiev N. A. *Obraz gosudarstva v dukhovnom nasledii optinskiikh startsev* [The image of the state in the spiritual heritage of the Optina elders]. *Filaretovskii al'manakh* [Filaret Almanac]. 2023, no. 19, pp. 76–91. (In Russian).

2. Clement (Kapalin), Metropolitan Svyatitel' Feofan Zatvornik i Russko-turetskaya voina 1877 goda [Saint Theophan the Recluse and the Russo-Turkish War of 1877]. *Trudy po russkoi patrologii: nauchnyi zhurnal Kaluzhskoi dukhovnoi seminarii* [Works on Russian patrology: scientific journal of Kaluga Theological Seminary]. 2022, no. 4 (16), pp. 72–83. (In Russian).

3. Kutikin V. Yu. *Krymskaya voina: vzglyad iz-za monastyrskikh sten: iz pisem igumena Antoniia (Bochkova) k optinskomu startsu Makariyu (Ivanovu), 1848 – 1856 gg.* [The Crimean War: a view from behind the monastery walls: from the letters of Hegumen Anthony (Bochkov) to the Optina Elder Macarius (Ivanov), 1848–1856]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive]. 2015, no. 4, pp. 41–56. (In Russian).

4. Sysoeva S. V. *Aksiologiya slova: emotivnaya leksika v epistolyarnom nasledii* [Axiology of the word: emotive lexicon in the epistolary heritage]. EDN: UW-ZUDV *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi semimnarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2021, no. 3 (16), pp. 197–207. (In Russian).

5. Feodosy (Vasnev), Metropolitan Prepodobnyi Amvrosii Optinskii ob osnovakh dukhovnoi zhizni [Venerable Ambrose of Optina on the foundations of spiritual life]. EDN: XTAQVI *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi semimnarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2019, no. 6, pp. 17–24. (In Russian).

6. Khondzinsky P. *Archpriest Bogoslovskie portrety: ocherki svyatootecheskogo bogosloviya Sinodal'noi epokhi* [Theological portraits: essays on patristic theology of the Synodal Era]. Moscow, Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities Publ., 2021, 336 p. (In Russian).

Received 17 July 2025.

Reviewed 01 October 2025.

Accepted for press 01 November 2025.